

Медиа-1992 — апр (113) — с. 11.

из литературного архива

В 1938 году в лондонской газете «Лиснер» появились воспоминания Павла Шишкова «Я знал Чехова». Автор утверждает, что у Чеховских «Трех сестер» были прототипы, и я принялся за поиски, которые длились два года.

Автором воспоминаний был Павел Александрович Шишков — морской офицер, сын известного в свое время батумского военного врача Александра Семеновича Шишкова. В ноябре 1917 года П. А. Шишков по делам службы уехал в Англию и в Россию не вернулся. Много лет спустя опубликовал свои воспоминания, где рассказывал о мелиховском периоде в жизни Чехова, о соседях писателя из села Васькино (где в 1897—1899 гг. отдыхала семья Шишковых), об истоках пьесы «Три сестры»: рассказы маленького Павла и его матери Натальи Павловны о гарнизонной жизни в Батуме, где они жили с 1888 года, Чехов использовал в работе над своей пьесой. «Он (Чехов. — В. А.), — вспоминал П. А. Шишков, — начинал обдумывать план своей пьесы «Три сестры» (...) Чехов не знал жизни военных, но мой отец был военным доктором, а моя мать и ее незамужние две сестры — дочерьми генерала. Наши соседи всегда называли их «три сестры». В зимние месяцы мы жили в гарнизоне в Батуме. Удивительно было наблюдать, как Чехов погружался в работу, проникаясь атмосферой нашей тамашней жизни».

«Было интересно наблюдать за его бедами с моей матерью. Она всегда говорила о трудностях и заботах молодой образованной женщины, вынужденной жить в глуши, — и когда Чехов слабо противоречил ей, то еще больше вызывал ее на откровенность. Я вполне понимаю, сколь велико было волнение моей матери по возвращении с премьеры «Трех сестер» в Москве. Роль Маши, замужней сестры, не могла не напомнить ей разговоры и споры, которые она когда-то вела с Чеховым. А другие герои — мы все легко узнавали их — офицеры гарнизона, которые часто заходили в наш дом в Батуме».

Реальными «тремя сестрами», о которых говорится в воспоминаниях П. А. Шишкова, были мать Павла Наталья Павловна Шишкова (1865—1920-е годы), Клавдия Павловна Шатилова (1859—1937), которую Чехов называл Аделаидой, и самая младшая в семье София Павловна (1867—?). Разница в возрасте Клавдии и Софии Шатиловых точно соответствует возрастному различию сестер Ольги и Ирины Прозоровых — восемь лет.

Знакомство с семьей Н. П. Шишковой и ее родственниками позволяет определить, как широко использовал ее рассказы Чехов в своей пьесе. Отец Н. П. Шишковой — Павел Николаевич Шатилов, как и отец чеховских сестер Прозоровых, был генералом. Помимо упомянутых, у него было еще четыре дочери и трое сыновей. После трагической смерти отца семейства (он упал с лошади и разбился насмерть) из Государственного казначейства пяти незамужним дочерям генерала, как и героиням Чехова, была назначена пенсия за отца. Жена П. Н. Шатилова, Анна Францевна, умерла раньше своего супруга, и ко времени знакомства «трех сестер» с Чеховым они были сиротами — еще одно совпадение: у драматических героинь тоже нет ни отца, ни матери.

Андрей, Ольга и Маша Прозоровы из пьесы «Три сестры» знали французский, немецкий, английский языки, а Ирина еще — итальянский. И дочери генерала П. Н. Шатилова получили хорошее образование: учились в Одесском институте благородных девиц и Смольном институте. «Средняя» сестра, Н. П. Шишкова, будучи начальницей женской восьмиклассной гимназии в 1909—1912 годах (г. Белев Тульской губернии), преподавала французский язык. В Российской государственной библиотеке сохранилась ее телеграмма от 6 (18) января 1898 года на французском, адресованная Чехову из Батума в Ниццу: «...Счастливы, что занимаем скромное место в Вашей памяти, шлем самые искренние пожелания. Наталья Шишкова».

В пьесе Маша рассказывает Вершинину: «Меня выдали замуж, когда мне было восемнадцать лет, и я своего мужа боялась, потому что он был учителем, а я тогда кончила курс. Он казался мне тогда ужасно ученым, умным и важным. А теперь уж не то, к сожалению». И Наталья Павловна Шатилова выдали замуж сразу после окончания гимназии за человека на 19 лет старше ее. В свое время у Натальи Павловны был роман, что в пьесе, вероятно, нашло отражение в отношениях Маши и Вершинина. А. С. Шишков, отец Павла, был военным доктором. В «Трех сестрах» военный доктор — Чебутыкин. Отец ме-

муариста многие годы провел на Кавказе. Там же служил и Чебутыкин. Оба имели ордена Станислава второй степени.

Действие пьесы происходит в губернском городке. Образ города собирательный, но отдельные его черты вполне узнаваемы. До некоторой степени духовную атмосферу провинциального городка автор «Трех сестер» списал с Батума, где в 1900 году он останавливался у Шишковых. Но действие пьесы происходит не в этом городе.

Прибывший на новое место службы подполковник Вершинин обнаруживает там «славянский климат», его удивляют березы. Получается, что город в России, но не русский. Весьма вероятно, что когда Чехов работал над своей пьесой, он помнил рассказы Н. П. Шишковой не только о Батуме, но и о Казани, где семья генерала П. Н. Шатилова жила с 1879 года. Это предположение подтверждается упоминанием Засыпкиной улицы. На этой улице жили засыпки — рабочие, засыпавшие на мельницах зерно в новш. Местные жители ее, вероятно, называли просто — Засыпь. Думается, на этой Засыпи и лечил свою пациентку доктор Чебутыкин. Казань была губернским городом, имела городскую и земскую управы, куда Чехов и «определил» на службу Ирину и Андрея Прозоровых. И, может быть, не случайно в пьесе Чехова артиллерийские батареи уходят в Польшу: приказом от 5 января 1903 года А. С. Шишков был назначен главным врачом Варшавского военного госпиталя. Есть основания считать, что речь о его переводе шла раньше, и Чехов слышал об этом, когда приезжал в Батум в

Н. П. Шишкова

ТАЙНА ТРЕХ СЕСТЕР

1900 году, за полтора месяца до начала работы над своей драмой.

Можно не сомневаться, что в образах и картинах гениальной пьесы обобщен и творчески переработан громадный жизненный материал, копившийся годами. Некоторые реальные источники упоминались в мемуарах и комментариях. Но данные, связанные с семьей Шишковых — Шатиловых, до сих пор не были известны.

Валерий АЛЕКСАНДРОВ.

«Я УМЕЮ ПИСАТЬ ТОЛЬКО ПО ВОСПОМИНАНИЯМ И НИКОГДА НЕ ПИСАЛ НЕПОСРЕДСТВЕННО С НАТУРЫ. МНЕ НУЖНО, ЧТОБЫ ПАМЯТЬ МОЯ ПРОЦЕДИЛА СЮЖЕТ И ЧТОБЫ НА НЕЙ, КАК НА ФИЛЬТРЕ, ОСТАЛОСЬ ТОЛЬКО ТО, ЧТО ВАЖНО ИЛИ ТИПИЧНО», — ПИСАЛ А. П. ЧЕХОВ.

Пьеса «Три сестры», казалось бы, может служить подтверждением этому. Во всех комментариях, включая и академическое издание, говорится, что в ней «отразились жизненные впечатления Чехова, копившиеся годами». При этом имелись в виду весьма давние воспоминания, связанные с подмосковным Воскресенском, где в 1884 году, когда там жил Чехов, стояла батарея под командованием полковника Б. И. Маевского.

Однако творческая история «Трех сестер» до сих пор никак не связывается с биографией Чехова периода создания «Трех сестер». Зададимся вопросом — не происходило ли в жизни самого Чехова в период с весны 1898-го до конца 1900 года события, впечатлений, ожививших давние «военные» воспоминания о бригаде Маевского и поручике Егорове?

Весной 1899 года, накануне Пасхи, Чехов приехал в Москву и в первый же день Праздника посетил семью О. Л. Книппер — «пришел вдруг с визитом, он, никуда и никогда не ходивший в гости». В чеховских письмах вскоре появляются упоминания не только о матери Ольги Леонардовны Анне Ивановне, но и о двух ее дядях, родных братьях матери — Александре Ивановиче и Карле Ивановиче Зальца.

Конечно, не следует искать черты полного портретного сходства между героями пьесы и членами семьи Ольги Леонардовны. Вопрос о прототипах чеховских героев, особенно если речь идет о произведениях зрелого периода, очень сложен и требует чрезвычайно бережного отношения к жизненному материалу. Речь здесь, как и в ряде других случаев, может идти об отдельных деталях и штрихах. Но представляется бесспорным и естественным интерес автора, занятого пьесой о среде военных, к одному из дядюшек, интеллигентному офицеру А. И. Зальца, или дяде Саше — так называла его Ольга Леонардовна и скоро стал называть

Литературные персонажи порой обладают тайной, не менее интересной, чем реальные люди. Эти тайны цепко хранит история, строго держат архивы. Мы рады предложить вам сегодня две любопытные версии, связанные с одной из самых пленительных пьес русской, да и всей мировой драматургии.

К. П. Шатилова

и Антон Павлович, — натуре яркой, одаренной, артистичной, сразу же располагающей к себе.

Ольга Леонардовна, очевидно, чувствуя интерес Чехова к дяде Саше, наряду с событиями театральной жизни подробно рассказывает о нем Чехову в письмах в Ялту. Веселый, готовый поддержать компанию, любящий театр, душа товарищеской пирушки, дядя Саша был, что называется, не враг бутылки.

«Мне сейчас тоскливо», — сообщила Ольга Леонардовна Чехову 16 августа 1900 года. — Слушала исповедь дяди Саши — неудовлетворенность, сознание нелепо прожитой жизни, рассказы о своих кутежах, попойках, болезненное искание в себе хоть кусочка чего-то чистого, человеческого, раскаяния, желание все поправить — и все это однотонным, глухим голосом при свете одной свечи (...). Все спрашивал, верю ли я в него, что он исправится теперь после лагеря (...). Брякнул, что хотел бы тебе все рассказать, что, может, только ты один поня бы его лучше, чем я».

О дружеском расположении Чехова к А. И. Зальцу свидетельствует и его присутствие при венчании Антона Павловича и Ольги Леонардовны.

Второй дядя Ольги Леонардовны, врач Карл Иванович Зальца, являл собой полную противоположность брату. Неумолимый спорщик и брюзга, он не без основания получил прозвище «Громила». Дядя Карл, как видно из переписки Ольги Леонардовны и Антона Павловича, отрицал все и вся и удивительно умел портить всем настроение.

Итак, все те месяцы, когда Чехов работал над «Тремя сестрами», начиная от замысла и до завершения, в поле его авторского внимания находилась семья, где любили и понимали музыку, где звучали и роль и скрипка, где легко дышалось тем, что бывал там как гость, где велись разговоры и споры о современной литературе, театре, живописи. Эта семья обрусевших немцев чтит русские традиции, отмечала русские православные праздники. И этой семье принадлежали офицер и доктор. Не видна ли здесь некоторая аналогия с домом Прозоровых и теми, кто в нем бывал? Уже в самом начале работы над пьесой в черновиках упоминается герой, носящий немецкую фамилию. Примечательно, что Тузенбах вначале назван Николаем Карловичем, а затем уже Николаем Львовичем. Можно предположить, что изменение это сделано Чеховым потому, что имя Николай Карлович могло вызвать «книпперовскую» ассоциацию: один дядя Ольги Леонардовны был Карлом, а друга семьи Соколовского звали Николаем. Их имена в письмах Чехова часто стояли рядом. Тузенбах несколько раз говорит о том, что и он сам русский, православный, и отец его православный, что немецкого у него «осталось мало».

В самом характере Тузенбаха, в его светлом отношении к жизни, несмотря на то, что любовь его к Ирине безответна, в его умении отдаться веселью, а то легко и охотно начать философствовать, просматриваются черты дяди Саши. Способность Карла Ивановича к выходкам, бесконечным спорам напоминают Соленного, его столкновения с Тузенбахом, Чебутыкиным, Андреем.

Некоторые черты дяди Саши преломились в образе Чебутыкина. Это, прежде всего, отсутствие семьи, жизнь у чужого неба. Передана от дяди Саши Чебутыкину и такая деталь биографии, как пребывание на Кавказе: в пьесе Чехова возникает в споре Чебутыкина с Соленым о черемше и чехартме. Причем ясно, что Чебутыкин, в отличие от Соленного, бывал на Кавказе. Если Тузенбаху Чехов передал в основном светлые, положительные черты характера А. И. Зальца, то Чебутыкину — приступы тоски, сознание пустоты своей жизни, склонность к «бутылочке».

Наконец, «Тара-ра-бумбия», которую напевает Чебутыкин, тоже связана с дядей Сашей: эти куплеты любил петь дядя Саша. Сам же Александр Иванович находил в себе черты Кулыгина, считал, что слова «Я доволен, я доволен...» соответствуют его характеру сангвиника и оптимиста по натуре (письмо к А. П. Чехову, датированное декабрем 1903 года).

Как и Чебутыкин, Александр Иванович надеялся, выйдя в отставку и получив пенсию, доживать свой век в покое. Интересно, что об этой мечте дядя Саша говорит словами чеховской героини: «...Как стукнет 25 лет моей службы в офицерских чинах, выйду в отставку с маленькой пенсией, и тогда «мы отдохнем... мы отдохнем».

Однако «отдохнуть» Александру Ивановичу было не суждено. Началась Русско-японская война, и Александр Иванович не вышел в отставку, а добровольно пошел воевать, заменив мужа одного своих полковых товарищей, отца большой семьи. Это был «тихий» подвиг любимого Чеховым «сверхштатного» дядюшки.

Чехова волновала судьба дяди Саши, беспокоило отсутствие писем от него. Большую тревогу вызывали сообщения прессы о битве при Тюрнене 18 апреля 1904 года. 22 апреля Чехов писал жене: «В сражении участвовал 22 стр(елковый) сибирский полк, ведь в этом полку дядя Саша! Не выходит он у меня из головы. Пишут, что убито и ранено 9 ротных командиров, а дядя Саша как раз ротный. Ну да Бог милостив, уцелеет Саша, твой милейший дядя».

Японские пули пощадили Александра Ивановича. Жизнь его трагически оборвалась позже, в 1905 году. «Сверхштатный» дядюшка Чехова застрелился, посчитав для себя невозможным выступать со своей ротой для подавления восставших рабочих. Уже одно это дает ему право на нашу память. И разве не так же невозможно представить Тузенбаха, отдающего приказ стрелять в безоружных.

«Вот дерево засохло, но все же оно вместе с другими качается от ветра. Так, мне кажется, если я умру, то все же буду участвовать в жизни так или иначе», — А. П. Чехов.

Евгения САХАРОВА.